

Галина Павловна Вишневецкая — человек особого пути, на котором повороты вели в неожиданное, вопреки тому, что диктует логика обычной человеческой судьбы.

Из бедного детства она, подобно Золушке, попала прямо на сказочный бал — в оперетту. Когда открылся туберкулез, смогла преодолеть не только угрозу для самой жизни, но и сохранить голос. После нескольких лет на эстраде была принята в труппу Большого театра (обычно бывает наоборот). Встреча с Мстиславом Ростроповичем перечеркнула десять лет предыдущего брака, и в жизни начался новый сюжет. По прошествии двадцати лет неизменного триумфа на оперной сцене была выдворена из страны вместе с супругом — за гостеприимство, проявленное в отношении нобелевского лауреата. В сорок семь лет была лишена гражданства, и

семье с двумя детьми пришлось начинать все с нуля.

С не меньшим триумфом Вишневецкая продолжала петь первые оперные партии на сценах «Ковент-Гардена», «Метрополитен-опера», «Гранд-опера», «Ла Скала», Мюнхенской оперы...

Гражданство одному из лучших сопрано СССР вернули уже после окончания ее певческой карьеры (тоже неожиданный поворот — голос не пропал, просто пение перестало приносить счастье) и накануне распада СССР.

25 октября Галине Вишневецкой исполнилось 80. В концертном зале им. Чайковского в этот день состоялся концерт звезд классической сцены, поставленный Дмитрием Бертманом, под строгим контролем самой Галины Павловны. «Я сюрпризов не люблю. За все, что выходит с упоминанием моей фамилии, отвечаю лично», — прокомментировала Вишневецкая свой юбилейный вечер.

— Галина Павловна, вы перенесли свой юбилей из Большого театра в зал Чайковского, потому что вам не понравилась новая постановка «Евгения Онегина»...

— То, что Пушкин и Чайковский — гении, вы же не будете отрицать?

— Но тут не Пушкин, тут давно Чайковский — с тех пор, как написаны либретто и музыка.

— Нет, это и Пушкин, его герои. Для меня это с очень раннего возраста — святая. Первая опера, которую я услышала. Мне было девять лет, когда мать подарила мне патефон и целую коробку пластинок — первую запись «Евгения Онегина» в Большом театре: Нарцов, Козловский, Кругликова. И я сошла с ума — от переживаний и впечатлений. Я тогда жила в Кронштадте, у своей бабушки, в театре ни разу не была. И вот я изображала Татьяну в белом платье лунной ночью на балконе. Драла и мужские, и женские партии с утра до ночи, к ужасу соседней. А потом Татьяна из «Онегина» стала моей первой партией в Большом. И последней, которую я пела, уходя со сцены. Почти двадцать лет назад. Я выглядела, кстати, моложе всех.

— Не сомневаюсь!

— Не сомневайтесь! И вот когда я увидела это надругательство, осквернение сцены Большого театра...

— В чем надругательство?

— Надо уважать мнение и пожелания Чайковского как творца этой оперы. Если написано: «Издали слышно пение», значит, пение должно быть слышно издали — он так слышал и про это написал. Или возьмем второй акт — идет пьянка-гулянка с битьем посуды, мать Татьяна, протанцевав поджавши, свалена на пол. При чем здесь Пушкин и Чайковский? Ведь Пушкин писал не про этих людей, которые хохочут, видя, как Ленский поет в «Вашем доме...». Как табун жеребцов. Здесь же сердце должно замирать, ведь в результате недоразумения происходит трагедия. А Ольга, которая бьет папкой Ленского? Я чуть сознание не потеряла! И после этого — сцена дуэли. Ленский в козлином тулупе — у меня так истопник на даче ходит. Бабы убирают с пола черепки, гремят ими: «Теперь — входите!». Храпит Зарецкий на диване пьяный — перегаром, кажется, в зал несет. А про что опера? Дуэли-то нет! Неосторожное обращение с оружием. Затем бал у Премиина. И Онегин, поджав тост, поет: «Убив на поединке друга, дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов...» — практически внутренний монолог! При том, что Ленского не убивал. Это же примитивный идиотизм! Когда мне говорят, что надо стараться вызвать интерес у публики к опере, что искусство устарело и народ не ходит, предлагаю: закрыть оперные театры! Оставить один на всю Россию! Наберется публика на один театр.

— А вы можете назвать пример удачных инноваций в постановке оперы на сцене Большого?

— «Чио-Чио-сан». Красиво, элегантно, стильно.

— Был случай, когда вы предложили перед прослушиванием себя связать, чтобы исключить опереточную жестикуляцию. Современная тенденция в опере — нестатичное нахождение на сцене.

— Все хотят развлечь публику. Отвлечь от музыки и текста. Якобы

это скучно. Но Опера — для любителей Оперы. Которые приходят слушать Оперу, а не смотреть, кто куда по сцене побежал. Чем талантливее режиссер, тем меньше он будет заставлять артиста кривляться на сцене. Все должно быть сделано темпераментно, но сдержанно и — в музыке. Если ты по-новому хочешь поставить спектакль классический, не искажая его, открыть какие-то линии, о которых до тебя не догадывались, нужны огромный талант и воображение. Беда еще в том, что сегодняшние дирижеры дирижируют в опере, только если не имеют симфонических оркестров; они не

— Сколько времени вы лично уделяете преподаванию?

— Примерно шесть месяцев в году я с утра и до вечера в студии. После занятий иду к себе наверх — у меня ведь квартира над студией. А слышимость прекрасная. Перехожу из комнаты в комнату и слышу через пол, как поют в разных классах, — они знают, что я всегда в курсе. Если кто-то фальшивит или поет не свой репертуар, я спускаюсь вниз...

— В чем состоит воспитание оперного певца?

— Воспитание — то, что я прежде всего пытаюсь дать своим ученикам. Особенно на Западе — в России они

Александр ГАЙДУК

С ней даже Ротшильд запел

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

«Муж меня любит за красоту»

знают, что такое работать с певцом. Выучил партию — и на сцену. А ведь выучить партию — даже не первая буква в алфавите.

— Почему на концерте в честь вашего юбилея не было артистов оперетты?

— С тех пор как в 1952 году я поступила в Большой театр, это ушло из моей жизни. Театр оперетты дал мне сценическую школу. Все мое образование — семь классов, потому что началась война, школы закрыли, консерваторию эвакуировали. У меня был природно поставленный голос, и я в сорок четвертом году пошла в оперетту.

— В 2002 году вы организовали в Москве Центр оперного пения. Почему, по-вашему, Россия нуждается именно в таком рода учебном заведении?

— Не только Россия — каждая страна нуждается в таком центре. И даже не в одном, а в нескольких. Потому что это — ступень между консерваторией и театром. Окончив консерваторию, певец не умеет ничего на сцене. Ничего! Нужен опыт работы в театре.

— Сколько стоит обучение?

— Студентам это ничего не стоит. Можете себе представить такое чудо? Я подарила это знание городу. А педагогам платят из городского бюджета.

все-таки что-то читают. А иностранцам я даю читать Достоевского; ломают мозги и читают. Даю им русский репертуар на исторические сюжеты, ведь русская опера, как никакая другая, связана с историей страны. «Борис Годунов», «Хованщина», «Псковитянка»... А «Онегина» и «Пиковую даму» проходят еще в школе.

С другой стороны, в Америке, например, в каждом университете есть свой хор, человек по триста-четыреста. Все читают ноты с листа.

В 62—63-м году в Лондоне я записала с любительским хором «Военный реквием» Бриттена. И много лет спустя ко мне подошел Ротшильд (из лондонской ветви миллиардеров) и говорит: «Малам Вишневецкая! А я имел честь с вами петь». Я думала, хохма какая-то. «Ну как же, мы же с вами вместе записывали «Реквием» Бриттена». Труд-

нейшее сочинение, музыка — модерн, а они все с листа это пропели. И вышедшую тогда знаменитую пластинку с самой первой записью перебить никто до сих пор не может. И в том хоре стоял Ротшильд и был счастлив, что открывает рот. Представьте себе на его месте Абрамовича.

— Галина Павловна, у вас совершенно потрясающие знакомства. Вы общаетесь с гениями, миллиардерами и королевскими особами. С кем из них у вас было человеческое общение?

— С королевой Испании Софьей и ее супругом, королем Хуаном. Просто дружеские отношения. Между нами не стоит никакой королевский этикет. Мы знакомы с той поры, когда Хуан еще не был королем. Года два назад она приезжала в Россию и останавливалась у нас в петербургской квартире.

— На что вы рассчитывали, когда пригласили у себя Солженицына? На поглаживание со стороны властей?

— Муж считал, что они ничего с нами сделать не посмеют, потому что мы занимали высокое положение, были, как теперь говорят, элитой. С нами считались. И знакомства были в правительстве.

— С ваших слов известно, что вы не принимали эту власть с детства, наблюдая лицемерие отца-коммуниста. С другой стороны, вы имели привилегии, которые давала вам эта власть: покровительство Булганина, ваш друг-продавец, который, держа

на прилавках мослы и пузырчатую сметану, в подвале прятал от народа дефицит и снабжал им вас. И вы не гнушались.

— Не гнушалась. Я жила в Советском Союзе и была как все. Что я — особая какая?

— Вот именно что особая, раз пользовались привилегиями.

— А какие это привилегии? Я заслужила и заработала гораздо больше, чем получала. Поэтому никаких привилегий тут не вижу.

— К вашей вынужденной эмиграции был причастен ряд товарищей, которые были вам в прямом смысле товарищами — по цеху. И отношения с ними с тех пор вы не поддерживаете. Вы допускаете, что для означенных товарищей подписать под документом была вынужденным компромиссом?

— Не было такого! Несколько лет назад письмо за шестью подписями было напечатано в газете «Совершенно секретно». Кроме того, у меня хранится досье из КГБ — когда я вернулась на родину, мне его отдали. Их никто не заставлял. Они выслуживались, на этом карьере делали. Чтобы отхватить себе лишнюю квартиру или зарплату прибавить, звание получить, орден.

— Вы будете опубличивать хранящееся у вас досье?

— Нет. Пусть лежит — на память.

— Кто-то из подписавших покалясался?

— Никто.

— Вы — женщина редких достоинств плюс еще красота. Вы как думаете, супруг за что вас любит?

— За красоту! Он рассказывает, что впервые увидел меня, когда ел круассан в ресторане, в Праге; увидел, говорит, эти ножки — и подавился, круассан торчит в горле до сих пор.

● Светлана ПОЛЯКОВА

Вишневецкая Галина Павловна

05.11.06

«Опера — для любителей Оперы. Для меломанов. Которые приходят слушать Оперу, а не смотреть, кто куда по сцене побежал»